

UDC 31

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-76-86

VELIKIY Petr P.,
Institute of Agrarian Problems,
Russian Academy of Sciences,
Saratov, Russia
iagpran@mail.ru

ВЕЛИКИЙ Петр Панфилович,
Институт аграрных проблем,
Российская академия наук,
г. Саратов Россия
iagpran@mail.ru

MIGRANTS FROM THE COUNTRIES OF SOUTH-EASTERN REGIONS IN THE RUSSIAN COUNTRYSIDE

МИГРАНТЫ ИЗ СТРАН ЮГО-ВОСТОЧНЫХ РЕГИОНОВ В РОССИЙСКОМ СЕЛЕ

In the article on the basis of sociological research in three regions of the country the practices of socio-economic interactions of labor migrants and native countrymen are considered. There has been revealed a specificity of contacts depending on the types of migrants arriving with different purposes and orientations so as to take roots in the receiving country. It is marked that labor migrants, being heterogeneous on demographic, professional characteristics, mastering the language and level of education, have different aims of the arrival to the Russian Federation. The author explains the specificity of socio-economic interaction depending on the places of application of labor by migrants, duration of staying, taking roots in a new environment. The analysis lets to formulate a view about factors defining both solidarity and preconditions of conflicts in interaction between migrants and native population. The models of socio-economic interaction, described in the article, are based on the empirical data – results of interrogatory of experts and interview of migrants and native countrymen. In this context the situation in the Russian countryside and agro-food complex is shown which is characterized on the one hand by the surplus of able to work people and on the other hand by the incapability of modern economic structures to give working place for all rural people. In spite of this contradiction labor migrants have a space of employment which, to the author's mind, has a perspective to widen. The author comes to the conclusion that with the balanced exchange of material resources and spiritual values between the representatives of both sides there are removed the preconditions for contradictions and conflicts in the space of their intercourse. At the same time the asymmetry of social actions is able to influence on the appearance and escalation of tension and it causes the necessity of constant monitoring and correction of migration policy.

В статье на материалах социологического исследования, проведенного в трех регионах страны, рассмотрены практики социально-экономического взаимодействия трудовых мигрантов и коренных сельских жителей. Выявлена специфика общения в зависимости от типов мигрантов, прибывающих с разными целями и ориентирами на предмет укоренения в принимающей стране. Отмечено, что трудовые мигранты, будучи неоднородными по демографическим, профессиональным признакам, знанию языка, уровню образования, имеют разные целевые установки прибытия в Российскую Федерацию. Автор объясняет специфику социально-экономического взаимодействия в зависимости от мест приложения труда мигрантов, длительности пребывания, укорененности в новой для них среде. Проведенный анализ позволяет сформулировать представление о факторах, определяющих как солидарность, так и предпосылки конфликтов во взаимодействии мигрантов и коренного населения. Модели социально-экономического взаимодействия, описанные в статье, базируются на эмпирических данных – результатах опроса экспертов и интервью мигрантов и коренных жителей сел. В этом же контексте показана ситуация в российском селе и агропродовольственном комплексе, которая характеризуется с одной стороны избытком трудоспособного населения, с другой – неспособностью современных хозяйственных укладов предоставить всем сельским жителям рабочее место. Несмотря на данное противоречие трудовым мигрантам находится пространство занятости, которое по мысли автора в перспективе будет расширяться. Автор приходит к выводу, что при сбалансированном обмене материальными ресурсами и духовными ценностями представителей той и другой стороны снижаются предпосылки для противоречий и конфликтов в пространстве их общения. В тоже время асимметрия социальных действий способна повлиять на появление и эскалацию напряженности, что вызывает необходимость постоянного мониторинга и корректировки миграционной политики.

Keywords: labor migrants, village, villagers, farmers, socio-economic interaction, models of behavior

Ключевые слова: трудовые мигранты, село, сельские жители, фермеры, социально-экономическое взаимодействие, модели поведения

Element rolling refugees in Western Europe in 2015 caused serious concern in Russia, as in other countries at risk - get in the way of intensive migrant flows subjected move residents of neighboring states. As noted by S. Bagdasarov, Head of the Center for the Middle East and Central Asia Study, to us even before the crisis year came to 15 million migrants from CIS countries, and at least 1 million remained under various pretexts [1, P.7]. In addition to understanding the benefits of their labor force participation in different industries in the common consciousness intensified concern about the negative consequences that have already met the indigenous people of the European countries.

According to the UN in 2013 Russia was the second most popular country for migration. Despite the fact that a significant portion of migratory flows accounted for urban settlements, migration growth rate of the rural population due to migration exchange with foreign countries in 2013 amounted to 18 per 10,000 people with 21 per 10,000 urban population [2].

Migration in Russia's rural population growth in 2013 was provided by the citizens of more than 50 countries, but 93% of the total number of secured citizens of the CIS countries, mainly from Uzbekistan, Armenia, Kazakhstan, Tajikistan, Moldova and Ukraine. The greatest shares of the profits in the

countryside of the total number of migrants are citizens of Kyrgyzstan, Kazakhstan, Moldova and Armenia.

Noteworthy the specific age and gender composition of international migrants, are clearly marked in recent years. In contrast to the internal migration of the rural population, where more women than men among both arrivals and departures among the modern international migration in rural areas has a male face, staying mostly of working age men. Thus, men accounted for 60% of migrants who came from other countries; with the departures of foreigners among them was already 73.4% in 2013. Thus, this ratio was 50.7% and 48.9%, respectively [3] has a 2008. These data can be considered as one indication of a sharp increase in recent years, the real scale of labor migration in the area of Russia. The Russian agricultural sector employs workers from more than 50 countries. Their distribution in the Volga Federal District as follows: Kazakhstan - 27%, Uzbekistan - 23%, 13.0% - Armenia, Azerbaijan - 10%, Kyrgyzstan - and Tajikistan - 7%. Their share in comparison with other sectors is low - 10.9%, whereas in public catering - 27.1%, construction - 24.7%, trade - 16.4%, in manufacturing - 15.2% [4]. Distribution of migrants in economic organizations includes the hiring - 28.6%, for farmers - 15.3%, seasonal - 12.6%, set up an independent economy - 52.4%. In Altay Kray have two municipal areas, where migrants make up more than half of the total number of employees of the AIC.

This article summarizes the results of a research project supported by the Russian National Foundation for Humanities (grant 14-03-00033) "Migrant workers in Russia's agro-food complex: a model of social and economic interaction with the local population", the empirical data of which were obtained in 2014.

Recently migrant theme was not burdened by the facts of disaster refugees crossing the borders of the European states and their conflicts with the indigenous population. This saved the research team from the shift in focus to the search conflict aspects of migration. Attention was focused on the "natural" conditions of mutual solidarity, which we associate with self-tuning of socio-economic relations of representatives of one or another of the parties (workers and indigenous people).

With the help of experts, employees of local municipalities, 13 kinds of possible exchange has been allocated. A list of them turned out to be more extensive in the study.

Another feature of the project was an attempt to link the phenomenon of social and economic dialogue with the specific territories. Regions selected for the field of sociological studies (Saratov Region, Altai and Khabarovsk territories), located on the axis of the East-West and South-North. Despite the conventionality of this division, we followed the migrant flows south-eastern regions, for which the intersection of the borders of Russia this movement to the north, and then spread to the regions east and west of the country.

Tools of the research project were designed by the task - to find the facts, the intensity and quality of the exchange of resources, which have both migrants and indigenous people. We realized that these resources are limited as in one or the other side.

In each of the selected regions applied common techniques and research tools: expert profile (300 municipal workers) and a standardized interview migrants and indigenous people (40 per region).

Based on the theory of exchange (Simmel, Blau, Elster, Baudrillard) and taking into account the increase in migratory flows over the horizon from South to North, we can assume that only a balanced exchange, economic and social, between migrants and indigenous rural settlement can be a decisive factor in their conflict-free coexistence, trust and solidarity. Research Toolkit provided a wide range of possible everyday situations where indigenous and re-populate the people (including the length of stay) may come into contact, from labor exchange experience in conducting agricultural activities to visiting each other, joint participation in public works on the improvement of the village, etc. With greater emphasis placed on the behavior of workers, since the part of the indigenous rural population is almost no complaints about the presence of new inhabitants and the coexistence of different ethnic communities in the Soviet and post-Soviet years confirm this.

Their stay in the countryside should be seen against the background of the socio-economic situation, which has occurred as a result of the agrarian reform. Factor of economic benefits inherent in the market economy in agriculture, it is often dominant, repaying the responsibility of farmers and managers of agricultural enterprises to the local community to ensure that it adequately paid jobs, while migrant workers can safely extend the working day and pay less.

There are some differences in the socio-economic interaction, which are closed on: a) the differences in the nature of the duration of their adaptation (seasonal, temporary, being rooted and transit); b) to what species their presence more "fit" the Russian region; c) to the arrival objectives in the regions.

Models of socio-economic interaction of seasonal migrants are differentiated depending on the degree of freedom in the labor rhythm, resettlement, Russian language skills, and level of accumulated potential to adapt to other sphere. Groups of migrants employed in the cultivation of melons, often

settle in hastily constructed on the premises around the fields and almost do not communicate with the locals. This is the same everyday and the part of the workers, which are placed within the boundaries of compact settlement. Because of the excessive workload and strict control on the part of the employer and the older ethnic group to chat with the locals just do not have time. It is isolated on a closed model of stay of migrants in the Russian countryside, socio-economic interaction which limited communication with the management only (farm or large-scale farms), and then only through their ethnic group leader.

Much more extensive is the socio-economic interaction with the indigenous population of migrant workers, on their own within the other sphere, out of "organized" migration. The space of their work are leading an individual building or renovating premises some villagers, gardeners, construction companies, which have facilities in rural areas. This group of migrants is involved in an exchange with the local population in employment in a relatively simple economic calculation of basic resources, which are almost never issued the relevant regulations, which leaves room for the influence of the moral factor. If the customer did not like the quality of the work, he unilaterally reduces the size of the payment, and the migrant can not anything to oppose it. This type of model of socio-economic interaction can be called random sporadic type.

Factor randomness of demand resources of migrants and migrant workers present and focused on a longer term stay in the countryside, individual families, not compact. Trying to cater to the local community, they tend to not only help the "grandmothers" (their words) on the farm, but also to participate in common activities for the villages' development, festivals and so on. This model is characterized by a certain stability of the relationship, the adaptability of the first level, which includes a certain level of interpersonal contacts. It adjoins a model second-level adaptation, including behavior rooted migrants accepted stereotypes economic activities specific to the local community. For example, if locale accommodations made to combine work in the village and commuting, migrants are included in this process. Moreover, often showing greater zeal than the members of the local community: the plant growing number of cattle, often goes to trade products. Develop it the other parties of communication, they appear buddies and friends; children studying at the local school, learn the value of international character.

The most successful can be considered a model of social and economic interaction between the third adaptation layers, which unites migrants who have become entrepreneurs. This is rooted part of migrants, on the effectiveness of local farmers is equal, and sometimes superior to them. However, individuals of this type are focused on greater economic exchange inherent impersonal parties "buyer-seller", and from the community they are excluded, preferring to communicate with the authorities of the municipal district. In addition to the above, there is a mixed model of labor personnel (execution of joint labor operations as the representatives of local communities and migrants, which is typical on fisheries for Khabarovsk Territory). They set the tone in the workers, indigenous, migrants assimilate behavior. In other regions, this model is not widespread, due to the specifics of the modern organization of production in agriculture and animal husbandry, where jobs are staffed by representatives of the indigenous population. Model of marital assimilation is emerging in the Far East.

The most intense is the assimilation of migrants, with the introduction of the human environment in their marital relationship with a local partner (the necks), which creates an atypical way of exchange relations. Analysis of a large number of sources on the subject shows that in the Far East discourse is dominated by mixed marriages between Russians and Chinese are, in general, marriage Russian women and Chinese men. Today, more and more Russian women marry Chinese in various regions of the Far East. However, the shares of these marriages are statistically insignificant. For example, for the period from 1997 to 2008 in the Amur Region were officially registered 86 Russian-Chinese marriages, representing 0.0001% of all marriages registered during this period [5].

According to opinion polls conducted at the turn of the 1990s. and early 2000s. [6, P.42] only 12.4% of Chinese respondents expressed a negative or rather negative attitude toward marriage with a Russian, and more than half (60.5%) expressed their positive attitude. It is obvious that inter-ethnic marriages are quite popular among the Chinese. Moreover, such marriages are welcomed and encouraged in China on an official level.

Russian women who marry Chinese people believe that the Chinese men kinder, they do not drink, work hard, bring home all wages, not only work in the workplace, but also at home help - cook, wash, clean, and in general with these women feel confident and calm.

The low involvement of migrants, especially temporary and seasonal, which is observed in all regions in metabolic processes with the indigenous rural population due to the low level of socio-economic activity of the majority of indigenous rural families, the lack of resources they could offer for exchange. Nevertheless, the positive experience of social and economic cooperation, which is complemented by cultural and household, is already available. Experts survey shows the following distri-

bution of ratings: 13 forms of socio-economic interaction: in the first place "workers - employees farmer (39%)", in the second place - to sell to local migrants food and other goods (23.5%), in the third place - workers are employed from the local population (20%), in the fourth place - the workers and the local exchange cooking recipes and (19.2%), on the fifth place - exchange ways of preserving food (17.9%). Estimates of contacts such as local-employees migrants, mutual visiting, renting land for rent to migrants, participation in socially useful activities, and other ranged from 15 to 6.3%. That is another side to find ways to communicate, and in it, in our opinion, are rooted serious prerequisites for deepening the conflict-free co-existence of the rural community, to assimilate the norms that arise in ethnic diversity of cultures and ways of life.

All of these characteristics can be traced behavioral strategies, differing migration intentions to integrate into the host society: passive short-term strategy (income for a family); active long-term strategy aimed at ensuring not only the family but also in the education of children, the opportunity to open any business on his return to his country; active long-term strategy, which sets the target for starting a business or building a career in their adopted country; youth strategy which prevails hedonistic component; women's strategy (a way to get the financial ability to "lift" the children overcome their marginal position in the exit country).

The prospect of rural Russia is a reduction of the rural population, increase in the share of countryside without population. Probably, the situation in certain regions of southern Russia will not be so dramatic due to internal migration between regions. However, other regions of the desertification of rural Russia are inevitable. Perhaps, when the players in the agricultural field (business and authorities) will find that due to the lack of settlements and workers in agriculture is impossible to conduct, in the deserted village will attract migrants. And if they take root there, it will be a different rural Russia, where the share of Russian and other indigenous ethnic groups would be minimal.

This is well illustrated by the two neighboring villages of Saratov Region, the inhabitants of one of them are Kurds, another - Russian: the size of families first - 4.5 persons, the second (Russian) - 2.4 people; Russian marry at the age of 28 (men), 25 years (women); Kurds - 20 years old (male), 18 years old (female). Single and divorced in Russian village - 42%, in the Kurdish - 13%. The migration balance is negative Russian village inhabitants, the Kurdish - positive. The local school, which serves both the village, consists for a half of Kurdish children.

The quality of socio-economic relations and religious influences migrants, most of which adheres to Islam, the religion of the leading countries in output. In some cases, if their faith is shallow, migrants do not spread it to the canons of everyday life and are guided by the prevailing custom in the area, including the small deception exchange counterparties. Another thing, when individuals are representatives of traditional Islam. Long-term contact with the head of the family rooted migrants of this type of faith assures that his stable position in the local community supported the style of behavior - not reply adequately property damage (evil for evil), and success in dealing with unfamiliar customers products grown them in the courtyard, provided observance of the principle of strict separation of the pure from the impure objects. Knowing this, buyers prefer its products, for reasons of reliability and processing technology.

The existing gap in living standards between the North (Russian regions) and south (adjacent areas) form the migration guidelines. Loosely populated rural areas in the minds of Russian labor migrants are seen as areas where you can get resources to improve business in the countries of origin. Transit migrants southern regions, aimed at Russian regions and edges in a line from the Volga River to the Pacific Ocean, despite its length, is really loaded. Uzbeks, Tajiks, Koreans, and Chinese are present everywhere and realize quite similar patterns of interaction with the indigenous population.

We have touched on only a few aspects of socio-economic interaction of migrants and the indigenous population, which in the initial stage of formation looks tolerant. However, in the process of deepening these relations are not excluded contradictions, objectively determined the asymmetry of social action: the benefits of the native population having more stable position and the subjective aspect, related to the recognition of the rights of local people to some additional advantages of its position in the area.

According to K.S. Mokin, "the term "indigenous" (residents) are often interpreted as the right to additional benefits in the territory, which is perceived as a violation of civil rights of all other nationalities" [7, P.42]. Migrants are often perceived as a new element of social protection, reducing the overall level of security of different groups of the host population. Interviews with migrants in the regions studied showed almost complete ignorance of the existence in their adopted territory of the bodies responsible for diasporas, to which they belong, and would ask for help.

The dominance of negative information about migrants in the media, the lack of explanatory work with the indigenous population of the need of external migration does not allow indigenous people to adequately assess the situation. Often attributed to a particular group is not inherent in the neg-

ative qualities that lead to the spread migrant phobia population. Only reliance on coming from the depths of time samples of Russian interethnic communication with other ethnic groups often give examples of effective interaction.

Local people fear that the flow of migrants creates additional problems in the labor market and the housing market affects the worse the conditions and quality of life of the majority of Russians, de-regulate established over time the relationship between subcultures groups [8, P. 114]. This is a real or perceived security of the fall is the factor responsible for the alienation that leads to intolerance of competing strata.

All these processes are waiting to be explored on the basis of a multidisciplinary approach. In conclusion, we note that, despite the small proportion of migrants seeking work in agriculture, their accumulation in rural areas will increase, which updates and scientific understanding of the processes of adaptation, taking into account the wider framework of communication - not only economic, but also cultural, inter-religious. The space of socio-economic interaction between migrants and the local populations in the village has a number of specific features and differences from the city. Their stay in the countryside should be seen against the background of the socio-economic situation, which has occurred as a result of the agrarian reform. At the beginning of the agrarian reform 8 from 10million were redundant for new economic structures. Since 2009, the number of unemployed has increased, and nearly half a million villagers were desperate to get at least some work [9, P. 212].

However the main group of villagers self-determined use of channels of well-being and survival. The bulk is only indirectly related to agricultural production, and if it interacts with the large-scale farms, then mainly as land lessors and buyers of fodder for his cattle family farm. For this category of workers are not competitors on any fields of living space. Not migrants are competitors for highly skilled professionals - mechanics, working on good, often imported machinery. They are considered essential. On disposal of some of their employer (the farmer or the head of large-scale farms) rather direct its efforts to ensure that the right person to lure from other places than to invite fellow villager, he did not always appreciate how professional and generally reliable person. Migrants in such a situation, the more can not be claimed.

The next group is the youth of the rural families. They tend to focus on employment outside the countryside, in the town, so a permanent employment in agriculture does not suit her, so jobs unskilled in modern large-scale farms are not. This group of workers does not interfere. The same can be said of rural pensioners, who live only a small pension (in a situation of exclusion from the problems of socially organized economy). However, certain categories of migrants, they may have an interest to the employees they hire sometimes to perform a simple operation on a farmstead, unbearable for them because of their age.

Several different fold socio-economic interaction with migrants that have a status close to the local residents on the "rootedness" (who became citizens of Russia or being in a stage of institutional design, closer to that status). In this group with the local population, as a rule, it develops the entire set of interactions inherent in modern rural community. In the model combined the traditional forms neighbor and companionship, and the new forms, due to market ethos.

Among the migrants may turn out to be carriers of the so-called core competencies, the activity of which gives good results in the implementation of breakthrough projects (due to the know-how, professionalism, hard work). In Russia, many prominent figures in various fields of art, literature, science, medicine, technology, sports, etc., with non-Russian names. Many of them come from neighboring countries (ever been in the situation of migrants). This is certainly possible in the agricultural sphere.

In general, the philosophy of their agribusiness is increasingly losing human oriented character. Already appeared in print justify that the entire infrastructure of agricultural production should be concentrated in the regional center (countryside or town), other settlements are unnecessary. Even though such project-option will not realize, however, the filling area (even if guided by purely economic objective - to bring the territorial producers to agricultural land) have to think, and migrants may become the only resource for the task.

МИГРАНТЫ ИЗ СТРАН ЮГО-ВОСТОЧНЫХ РЕГИОНОВ В РОССИЙСКОМ СЕЛЕ

Стихия наката беженцев на Западную Европу в 2015 году вызвала серьезное беспокойство в России, как и в других странах, находящихся в зоне риска - оказаться на пути интенсивных мигрантских потоков, подвергнуться заселению жителями сопредельных государств. Как отмечал С. Багдасаров, директор Центра изучения стран Ближнего Востока и Центральной Азии, к нам еще до кризиса ежегодно приезжали до 15 млн. мигрантов из стран СНГ и как минимум до 1 млн. оставались под разными предложениями [1, С.7]. Кроме понимания пользы от трудового участия их в разных отраслях производства в общепринятом сознании усиливается тре-

вога по поводу отрицательных последствий, с которыми уже встретились коренные жители европейских стран.

По данным ООН Россия в 2013 году являлась второй по популярности страной для миграции. Несмотря на то, что значительная часть миграционных потоков приходится на городские поселения, коэффициент миграционного прироста сельского населения за счет миграционного обмена с зарубежными странами составил в 2013 г. 18 человека на 10000 человек при 21 человеке на 10000 для городского населения [2].

Миграционный прирост численности сельского населения России в 2013 году был обеспечен за счет граждан более 50 государств, однако 93% общей численности обеспечили граждане стран СНГ, в основном из Узбекистана, Армении, Казахстана, Таджикистана, Молдовы и Украины. Наибольшую долю прибывших в сельскую местность от общего числа мигрантов - составляют граждане Кыргызстана, Казахстана, Молдовы и Армении.

Обращает на себя внимание и специфика возрастного и гендерного состава международных мигрантов, четко обозначившаяся в последние годы. В отличие от внутренней миграции сельского населения, где женщин больше чем мужчин как среди прибывших, так и среди выбывших, современная международная миграция на селе имеет мужское лицо, т.е. пребывают преимущественно мужчины трудоспособного возраста. Так, в 2013 году мужчины составили 60% мигрантов, прибывших из других стран, при этом среди выбывших иностранцев их было уже 73,4%. При этом, еще в 2008 году данное соотношение составляло 50,7% и 48,9% соответственно [3]. Приведенные данные можно рассматривать как одно из свидетельств резкого увеличения в последние годы реальных масштабов трудовой миграции в пространстве России. В АПК России трудятся мигранты из более 50 стран. Распределение их в Приволжском Федеральном округе следующее: из Казахстана – 27%, Узбекистана – 23%, Армении-13,0%, Азербайджана – 10%, Киргизии – и Таджикистана – по 7%. Их доля в сравнении с другими отраслями невелика – 10,9%, тогда как в общественном питании - 27,1%, в строительстве - 24,7%, в торговле - 16,4%, в обрабатывающем производстве – 15,2% [4]. Распределение мигрантов в хозяйственных организациях следующее: по найму – 28,6%, у фермеров- 15,3%, сезонные – 12,6%, создали самостоятельное хозяйство – 52,4%. В Алтайском крае есть два муниципальных района, где мигранты составляют более половины от общего количества работников АПК.

В настоящей статье обобщены результаты исследовательского проекта, поддержанного РГНФ (грант 14-03-00033) «Трудовые мигранты в российском агропродовольственном комплексе: модели социально-экономического взаимодействия с коренным населением», эмпирические данные которого получены в 2014 году.

В то время мигрантская тематика еще не была отягощена фактами бедствий беженцев, пересекающих границы европейских государств и конфликтов их с коренным населением. Это уберегло исследовательскую группу от смещения акцентов на поиск конфликтологических аспектов миграции. Внимание было акцентировано на «естественные» предпосылки взаимной солидарности, которые мы связывали с самонастраиванием социально-экономических отношений представителей той или иной сторон (мигрантов и коренного населения).

С помощью экспертов, работников местных муниципальных органов было выделено 13 видов возможного обмена. В ходе исследования перечень их оказался более широким.

Другой особенностью проекта явилась попытка связать феномен социально-экономического общения со спецификой территорий. Регионы, избранные для полевых социологических исследований (Саратовская область, Алтайский и Хабаровский края), находятся на оси Восток-Запад и Юг-Север. Несмотря на условность такого деления, мы следовали за мигрантскими потоками юго-восточных регионов, для которых пересечение границы России это движение на север, с последующим распространением на регионы востока и запада страны.

Инструменты исследовательского проекта были сконструированы под задачу – обнаружить факты, интенсивность и качество обмена ресурсами, которыми обладают и мигранты, и коренное население. Мы создавали, что эти ресурсы весьма ограничены как у одной, так и другой стороны.

В каждом из избранных регионов применены единые методики и инструменты исследования: анкета эксперта (300 человек, работников муниципальных органов) и стандартизированное интервью мигрантов и коренных жителей (по 40 в каждом регионе).

Опираясь на теории обмена (Зиммель, Блау, Элстер, Бодрийяр) и учитывая увеличение миграционных потоков по горизонту Юг-Север, можно предположить, что только сбалансированный обмен, экономический и социальный, между мигрантами и коренным сельским поселением может стать решающим фактором их бесконфликтного сосуществования, доверия и солидарности. Инструментарий исследования предусматривал широкий круг возможных ситуаций повседневности, где коренные и вновь заселившиеся люди (с учетом длительности пребывания

ния) могут вступать в контакты: от обмена трудом, опытом ведения сельскохозяйственных работ до гостевания друг у друга, совместного участия в общественных работах по благоустройству села и т.п. При этом акцент больше сделан на поведение мигрантов, поскольку со стороны коренного сельского населения почти нет претензий к присутствию новых обитателей и бесконфликтное сосуществование этнически разнообразных сообществ в советские и постсоветские годы это подтверждают.

Их пребывание в селе нужно рассматривать на фоне той социально-экономической ситуации, которая произошла в результате аграрной реформы. Фактор экономической выгоды, присущий рыночному хозяйствованию в АПК, зачастую оказывается доминирующим, погашая ответственность фермеров и руководителей сельскохозяйственных предприятий перед локальным сообществом за обеспечение его достойно оплачиваемыми рабочими местами, между тем как трудовым мигрантам можно безболезненно удлинять рабочий день и платить меньше.

Существуют некоторые различия социально-экономического взаимодействия, которые замыкаются на: а) различия по характеру длительности их адаптации (сезонные, временные, укорененные, транзитные); б) по тому, к какому виду их присутствия больше «приспособлен» российский регион; в) по целям прибытия в регионы.

Модели социально-экономического взаимодействия сезонных мигрантов дифференцированы в зависимости от степени свободы в ритме труда, расселения, знания русского языка, уровня накопленного потенциала к адаптации в иносфере. Группы мигрантов, занятых на выращивании бахчевых культур, зачастую селятся в построенных на скорую руку помещениях около полей и почти не общаются с местными жителями. Такова же повседневность и той части мигрантов, которые размещены компактно в черте поселения. Из-за чрезмерной трудовой нагрузки и жесткого контроля со стороны работодателя и старшего этнической группы на общение с местными жителями просто не остается времени. Это изолированная замкнутая на себя модель пребывания мигрантов в российском селе, социально-экономическое взаимодействие которой ограничено только общением с руководством (фермерского хозяйства или крупхоза) и то исключительно через своего этнического руководителя группы.

Гораздо более обширным является социально-экономическое взаимодействие с коренным населением трудовых мигрантов, самостоятельно входящим в иносреду, т. е. вне «организованной» миграции. Пространством их труда являются ведущие индивидуальное строительство или ремонт помещений отдельные сельские жители, дачники, строительные фирмы, которые имеют объекты в сельской местности. Эта группа мигрантов участвует в обмене с местным населением в основном ресурсами труда на относительно строгом экономическом расчете, который почти никогда не оформляется надлежащими нормативными документами, что оставляет простор для влияния морального фактора. Если заказчику не понравилось качество выполненной работы, он односторонне уменьшит размер оплаты, и мигрант ничего противопоставить этому не может. Этот тип модели социально-экономического взаимодействия может быть назван случайно-спорадическим.

Фактор случайности востребованности ресурсов мигрантов и присутствует и у мигрантов, ориентированных на более длительный срок проживания в селах, отдельными семьями, не компактно. Стараясь угодить местному сообществу, они, как правило, не только помогают «бабушкам» (по их выражению) по хозяйству, но и участвуют в общих мероприятиях по обустройству сел, праздниках и т. п. Данную модель характеризует некоторая устойчивость отношений, адаптивность первого уровня, которая включает определенный уровень межличностных контактов. К ней примыкает модель второго уровня адаптации, включающая поведение укорененных мигрантов, принявших стереотипы экономических действий, характерных для местного сообщества. Например, если в локале проживания принято совмещать работу в селе и маятниковую трудовую миграцию, то в этот процесс включаются и мигранты. Причем, нередко проявляя больше усердия, чем члены местного сообщества: заводят большее количество скота, чаще выезжают торговать продукцией. Развивают они и другие стороны общения, у них появляются приятели и друзья; дети, обучаясь в местной школе, осваивают ценности интернационального характера.

Наиболее успешной можно считать модель социально-экономического взаимодействия третьего уровня адаптации, объединяющей мигрантов, ставших бизнесменами. Это уже укорененная часть мигрантов, по эффективности равная местным фермерам, а иногда превосходящая их. Однако индивиды данного типа больше сориентированы на экономический обмен, присущей обезличенным сторонам «продавец-покупатель», а от местного сообщества они отстранены, предпочитают общение с органами власти муниципального района. Помимо описанных выше, имеется модель смешанных трудовых персоналов, т. е. совместного выполнения трудовых операций как представителями местных сообществ, так и мигрантов, что характерно для

Хабаровского края, на рыбных промыслах. Тон в них задают работники из числа коренных жителей, поведение которых усваивают мигранты. В других регионах эта модель не распространена, что объясняется спецификой современной организации производства в земледелии и животноводстве, где рабочие места укомплектованы представителями коренного населения. На Дальнем Востоке зарождается модель брачной ассимиляции.

Наиболее интенсивной является ассимиляция мигрантов при вступлении человека из их среды в брачные отношения с местным партнером (шей), что создает нетипичный образ обменных отношений. Анализ значительного числа источников на данную тему показывает, что в дальневосточном дискурсе доминируют смешанные браки между россиянами и китайцами – это, в основном, браки российских женщин и китайских мужчин. Сегодня всё больше русских женщин выходят замуж за китайцев в различных регионах Дальнего Востока. Однако доля эти браков статистически незначительная. Так, например, за период с 1997 г. по 2008 г. в Амурской области официально было зарегистрировано 86 русско-китайских браков, что составляет 0,0001 % от всех браков, зарегистрированных за данный период [5].

По данным социологических опросов, проведенных на рубеже 1990-х и начала 2000-х годов [6, С.42] только 12,4% китайских респондентов выразили отрицательное или скорее отрицательное отношение к браку с русскими, а более половины (60,5%) высказали свое положительное отношение. Очевидно, что среди китайцев межэтнические браки достаточно популярны. Более того, такие браки приветствуются и поощряются в Китае на официальном уровне.

Русские женщины, которые выходят замуж за китайцев считают, что китайские мужчины добрее, они не пьют, очень много работают, приносят домой всю заработную плату, не только работают на производстве, но и дома помогают – готовят, стирают, убирают, и в целом с ними женщины чувствуют себя уверенней и спокойней.

Низкая включенность мигрантов, прежде всего временных и сезонных, которая наблюдается во всех регионах в обменные процессы с коренным сельским населением обусловлена невысоким уровнем социально-экономической активности большинства коренных сельских семей, отсутствием ресурсов, которые они могли бы предложить для обмена. Тем не менее, позитивный опыт социально-экономического взаимодействия, который дополняется и культурно-бытовым, уже имеется. Опрос экспертов показывает следующее распределение оценок: из 13 форм социального и экономического взаимодействия: на первом месте «мигранты – наемные работники у фермера (39%)», на втором - местные продают мигрантам продукты питания и другие товары (23,5%), на третьем – мигранты работают по найму у местного населения (20%), на четвертом – мигранты и местные обмениваются приготовлениями пищи и рецептами (19,2), на пятом обмен способами сохранения продуктов (17,9%). Оценки таких контактов как: местные - наемные работники у мигрантов, взаимное гостевание, сдача мигрантам земли в аренду, участие в общественно полезных мероприятиях и другое, составили от 15 до 6,3%. Та и другая сторона находят пути для общения, и в нем, по нашему убеждению, кроются серьезные предпосылки для углубления бесконфликтного сосуществования сельской общности, усваивающей нормы, которые возникают при этнонациональном разнообразии культур и образов жизни.

За всеми этими характеристиками прослеживаются поведенческие стратегии, различающихся миграционными намерениями по интеграции в принимающее сообщество: пассивная краткосрочная стратегия (заработок для обеспечения семьи); активная долгосрочная стратегия, нацеленная не только на обеспечение семьи, но и на образование детей, возможность открыть какое-либо дело по возвращении в свою страну; активная долгосрочная стратегия, ставящая цель на открытие бизнеса или выстраивание карьеры в принявшей их стране; молодежная стратегия в которой превалирует гедонистическая составляющая; женская стратегия (способ получить финансовую возможность «поднять» детей, преодолеть маргинальность своего положения в стране выхода).

Перспектива сельской России – сокращение сельского населения, рост доли сел без населения. Вероятно, ситуация в отдельных регионах юга России не будет настолько драматичной за счет внутренней межрегиональной миграции. Однако опустынивание других регионов сельской России неизбежно. Возможно, когда игроки на аграрном поле (бизнес и властные структуры) обнаружат, что из-за отсутствия поселений и работников в них сельское хозяйство вести невозможно, в опустевшие деревни станут привлекать мигрантов. И если они укоренятся там, это будет уже другая сельская Россия, в которой доля русских и других коренных этносов окажется минимальной.

Это хорошо видно на примере двух соседних сел Саратовской области, обитатели одного из них курды, другого – русские: размер семей первых – 4,5 чел., второго (русского)- 2,4 чел.; русские вступают в брак в возрасте 28 лет (мужчины), 25 лет (женщины); курды - в 20 лет мужчины, в 18 лет – женщины. Холостых и разведенных в русском селе – 42%, в курдском – 13%.

Сальдо миграции обитателей русского села отрицательное, курдского - положительная. Местная школа, обслуживающая оба села, наполовину состоит из курдских детей.

На качество социально-экономических отношений влияет и религиозность мигрантов, большинство которых придерживается ислама, ведущей религии стран их выхода. В одних случаях, если их вера неглубока, мигранты не распространяют ее каноны на повседневность и руководствуются сложившимися в местности обычаями, включая мелкий обман контрагентов обмена. Другое дело, когда индивиды являются представителями традиционного ислама. Многолетнее общение с главой семьи укорененного мигранта данного типа веры убеждает, что его устойчивое положение в локальном сообществе поддерживается стилем поведения – не отвечать адекватно причиненному материальному ущербу (злом на зло), а успешность в общении с малознакомыми потребителями продукции, выращенной им на подворье, обеспечивается соблюдением принципа строгого отделения предметов чистых от нечистых. Зная это, покупатели предпочитают его продукцию, исходя из соображений надежности технологии переработки.

Существующий разрыв по уровню жизни между Севером (российские регионы) и Югом (сопредельные территории) формируют миграционные ориентиры. Неплотно заселенные сельские территории России в сознании трудовых мигрантов предстают как зоны, где можно получить ресурсы, чтобы поправить свои дела в странах исхода. Транзит мигрантов южных регионов, направленный в российские области и края, находящихся на одной линии от Волги до Тихого океана, несмотря на их протяженность, является равнонагруженным. Узбеки, таджики, корейцы и китайцы присутствуют повсеместно и реализуют достаточно схожие модели взаимодействия с коренным населением.

Мы коснулись лишь некоторых сторон социально-экономического взаимодействия мигрантов и коренного населения, которые в начальной стадии их формирования выглядят толерантно. Однако в процессе углубления таких отношений не исключены противоречия, объективно обусловленные асимметрией социальных действий: преимущества коренного населения, обладающим более стабильным положением и субъективным моментом, связанным с признанием местными жителями права на некие дополнительные преимущества своего положения на данной территории.

По мнению К.С. Мокина «термин «коренные» (жители) нередко трактуется как право на дополнительные преимущества на данной территории, что воспринимается как нарушение гражданских прав всеми другими национальностями» [7, С.42]. Мигранты часто воспринимаются как новый элемент социальной среды, снижающий общий уровень защищенности различных групп принимающего населения. Интервьюирование мигрантов в исследуемых регионах показало почти полную неосведомленность их о существовании в принявшей их территории органов, ответственных за диаспору, к которой они принадлежат и могли бы обратиться за помощью.

Доминирование негативной информации о мигрантах в СМИ, отсутствие разъяснительной работы с коренным населением о необходимости внешней миграции не позволяют коренным жителям адекватно оценить обстановку. Нередко конкретной группе приписываются не присущие негативные качества, что ведет к распространению мигрантофобии среди населения. Лишь опора на идущие из глубины веков образцы межнационального общения русских с другими этносами зачастую дают примеры эффективного взаимодействия.

Местное население опасаются, что поток мигрантов создает дополнительные проблемы на рынке труда и на рынке жилья, влияет в худшую сторону на условия и качество жизни большинства россиян, регулирует установившиеся со временем отношения между субкультурными группами [8, С. 114]. Это реальное или субъективно воспринимаемое снижение защищенности выступает фактором, обуславливающим отчуждение, приводящее к интолерантности конкурирующих страт.

Все эти процессы ждут своих исследователей на основе междисциплинарного подхода. В заключении отметим, что, несмотря на незначительную долю мигрантов, стремящихся работать в АПК, накопление их в сельских территориях будет возрастать, что актуализирует и научное осмысление адаптационных процессов с учетом более широких рамок общения — не только экономического, но и культурного, межконфессионального. Пространство социально-экономического взаимодействия мигрантов и местного населения в условиях села имеет ряд специфических особенностей и отличий от города. Их пребывание в селе нужно рассматривать на фоне той социально-экономической ситуации, которая произошла в результате аграрной реформы. На начало аграрной реформы 8 млн. из 10 оказались лишними для новых хозяй-

ственных укладов. С 2009 года численность безработных увеличилась еще, и около полумиллиона сельских жителей отчаялись получить хоть какую-либо работу [9, С. 212].

Однако к настоящему времени основные группы сельских жителей самоопределились в использовании каналов благополучия и выживания. Основная масса имеет лишь косвенное отношение к сельскохозяйственному производству, и если она взаимодействует с крупхозами, то в основном как арендодатели земель и как покупатели фуража для скота своего семейного хозяйства. Для этой категории мигранты не являются конкурентами ни по каким полям жизненного пространства. Не являются мигранты конкурентами для высококлассных специалистов – механизаторов, работающих на хорошей, часто импортной технике. Они считаются незаменимыми. При выбытии кого-то из них работодатель (фермер или руководитель крупхоза) скорее направит свои усилия на то, чтобы переманить подходящего человека из других мест, чем пригласить односельчанина, которого он не всегда ценит как профессионала и вообще надежного человека. Мигранты в такой ситуации тем более не могут быть востребованы.

Следующая группа – молодежная часть сельских семей. Они, как правило, ориентированы на трудоустройство вне села, в городе, поэтому постоянная занятость в сельском хозяйстве ее не устраивает, да рабочих мест низкой квалификации в современных крупхозах тоже нет. Этой группе мигранты ничем не мешают. Тоже самое можно сказать о сельских пенсионерах, которые живут лишь на свою небольшую пенсию, т.е. в ситуации отстранения от проблем общественно организованного хозяйства. Тем не менее, к некоторым категориям мигрантов они могут испытывать интерес как к работникам, которых они нанимают иногда, чтобы выполнить несложную работу на подворье, непосильную для них в силу возраста.

Несколько по-другому складываются социально-экономические взаимодействия с мигрантами, которые имеют статус близкий к местным жителям по «укорененности», т.е. либо ставшими гражданами России, либо находящимися в иной стадии институционального оформления, приближения к этому статусу. У данной группы с местным населением, как правило, складывается весь набор взаимодействий, присущих современному сельскому сообществу. В модели их соединяются как традиционные формы соседского и дружеского общения, так и новые, обусловленные рыночным этосом.

Среди мигрантов могут оказаться и носители так называемой стержневой компетенции (core competence), деятельность которых дает хорошие результаты при осуществлении прорывных проектов (за счет ноу-хау, профессионализма, трудолюбия). В России немало выдающихся личностей в разных областях искусства, литературы, науки, медицины, техники, спорта и т.д., с нерусскими фамилиями. Многие из них выходцы из ближнего зарубежья, т.е. были когда-то в положении мигрантов. Такое несомненно возможно и в агросфере.

В целом философия развития собственного АПК все больше утрачивает человекосберегающий характер. Уже появились в печати обоснования того, что всю инфраструктуру сельскохозяйственного производства следует сосредоточить в районном центре (селе или в городе), другие поселения излишни. Даже если такой прожект-вариант и не осуществится, тем не менее, о заполнении территории (хотя бы руководствуясь чисто экономической задачей – приблизить территориально производителей к сельскохозяйственным угодьям) придется думать, и мигранты, возможно, станут единственным ресурсом выполнения этой задачи.

REFERENCES

1. AIF. №12. 2016. Anti-Cross Tour. С.7.
2. Demographic Annual of Russia. 2014: Rosstat. M., 2015 Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1137674209312
3. Demographic Annual of Russia . 2014: Rosstat. M., 2015 Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1137674209312
4. Demographic Annual of Russia . 2014: Rosstat. M., 2015 Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1137674209312
5. Mixed marriages. Available at: <http://amurbereg.ru/otnosheniya-rossii-i-kitaya/smeshannye-braki>
6. Bajkov N.M. The Chinese in public opinion of the inhabitants of the Far-East town. Prospects o the Far-East region – M., Moscow Fund of Karnegy 1999; Chinese factor in the regional development (sociological aspect); Russia-China: history and the present (collection of scientific articles). Habarovsk. HSPU.2000.
7. Mokin.K.S. Group strategies of integration of ethnic migrations communities. K.S Mokin. Saratov: Scientific book, 2006. P.42.
8. Xenophobia in modern world .V.A. Achlasov and others. Spb.: Spb.University , 2008. P.114.
9. Kalugina Z.I..Market transformation of the Russian agrarian sector. Novosibirsk. 2015. P. 212.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. АИФ. №12. 2016. Антикрестовый поход. С.7.
2. Демографический ежегодник России. 2014: Росстат. М., 2015 [Электронный ресурс]: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1137674209312
3. Демографический ежегодник России. 2014: Росстат. М., 2015 [Электронный ресурс]: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1137674209312
4. Демографический ежегодник России. 2014: Росстат. М., 2015 [Электронный ресурс]: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1137674209312
5. Смешанные браки. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://amurbereg.ru/otnosheniya-rossii-i-kitaya/smeshannye-braki>
6. Байков Н.М. Китайцы в общественном мнении жителей дальневосточного города// Перспективы Дальневосточного региона. – М.: Московский Фонд Карнеги. 1999; Китайский фактор в региональном развитии (социологический аспект); Россия-Китай: история и современность (сборник научных статей)- Хабаровск. Изд-во ХГПУ.2000.
7. Мокин К.С. Групповые стратегии интеграции этнических миграционных сообществ / К.С. Мокин - Саратов: Научная книга, 2006. С.42.
8. Ксенофобия в современном мире / В.А. Ачласов и [др]. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2008. С.114.
9. Калугина З.И. Рыночная трансформация аграрного сектора России. Новосибирск. 2015. С. 212.

Information about the author

Velikiy Petr P., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Leading Researcher, Institute of Agrarian Problems, Russian Academy of Sciences, Academician, Petrovskaya Academy of Sciences and Arts, Honored Scientist of Russian Federation, Saratov, Russia, iagpran@mail.ru

Received: 20th March 2016

For article citation: Velikiy P.P. Migrants from the countries of south- eastern regions in the Russian countryside. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'= Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 2. Vol. 1. Pp. 76-86.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-76-86. [en]

Информация об авторе

Великий Петр Панфилович, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт аграрных проблем, Российская академия наук, академик, Петровская академия наук и искусств, заслуженный деятель науки РФ, г. Саратов Россия, iagpran@mail.ru

Получена: 20 марта 2016 г.

Для цитирования статьи: Великий П.П. Мигранты из стран юго-восточных регионов в российском селе. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 2. Часть 1. с. 76-86.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-76-86. [en]